

В ПРОЦЕССЕ

СЕИЧАС вообще как-то странно. Анекдоты обесценились, их теперь в печатном виде продают кооператоры. Келейные капустастики вышли на голубые экраны всесоюзных просторов и идут в этих бескрайних просторах нарасхват — как КВН. Так что не очень понятно, каким образом сказать сегодня «несколько слов в честь г-на де Жука», вернее Вадима Жука, короля ленинградских капустастиков 70—80-х годов (это уже определение для энциклопедии на букву «Ж»).

Ленинградская культура нашла Жука именно в капусте. Это случилось еще в 1966 году, когда он, будучи студентом-театроведом, сочинил свой первый капустастик. По одним слухам, его предком был А. Кугель, основавший в 1908 г. петербургский театр сатиры и литературно-театральных пародий «Кривое зеркало». По другим — он потомок Н. Евреинова — автора знаменитой театральной пародии «Четвертая стена», ибо и театр-студия, возглавляемая Жуком последние годы, называется «Четвертая стена». Может быть, в нем получили очередное рождение творческие души обоих, да еще Н. Балиева с его театром «Летучая мышь», возникшим из театральных капустастиков. Впрочем, «Летучая мышь» — дитя Москвы, а Жук — дитя сырого Петербурга. Поэтому в его «капустном» творчестве главная интонация, на мой взгляд, такова: с нами разговаривают, как интеллигентный человек может разговаривать с интеллигентным человеком, когда оба они проживают в великом городе и диалогом своим выражают интеллигентский взгляд на окружающую действительность.

«Жук со товарищи» (как написали бы о них в XVIII веке), или «Товарищество Жука» (как определили бы во второй половине XIX), — это «спелое» многими годами и спектаклями актерское дружество. У каждого — своя (думаю, недовольная) судьба в театре и целая биография в Доме актера.

Много лет они были деликатесом для тех, кто существовал по эту сторону «четвертой стены», и потому те, кто творил искусство «по ту сторону», за стеной, могли горделиво чувствовать, что обладают хоть этим правом и привилегией: знать и слышать капустастики Жука.

Один третьеклассник недавно сказал мне: «Знаете, какого знаменитого артиста я видел сегодня в нашей школе?» — «Микеле Плачидо?» — серьезно поинтересовалась я. — «Ну, что вы, — ужаснулся он моему вкусу, — Жука!». В общем, теперь «театральный мир» лишился своего преимущества: «Жук со товарищи» выступают в «общедоступных» концертных залах, на них продают билеты за настоящую «капусту», их показывают по телевизору.

Естественно, что от кулуарных сюжетов, доступных пониманию избранных, они стремительно двигаются к острым, «съездовским», «депутатским» общественно-политическим темам, тем более что подгоняют их не только успех, но и время. «Вот кончим перестройку — и вернемся к театру», — успокаивает Жук, произносящий теперь со сцены тексты о том, что не хотел бы стать, как и мы, участником гражданской войны, «с боями пробиваться к Купчину в составе третьего пехотного полка» и совсем не хотел бы форсировать Фонтанку: в жизни ничего не форсировал.

Что правда — то правда: и сегодня, в больших залах, капустастики Жука — это все равно «не форсированный» разговор интеллигентных людей... с теми, кого им, актерам, тоже хотелось бы считать интеллигентными людьми.

— Каждому артисту хочется получить свои аплодисменты, свой всенародный успех, — объявляет В. Жук в начале некоторых спектаклей. — Поэтому заранее вашему вниманию предоставляется финальный художественный поклон. Аплодисменты!

И под оркестр обнимает Сергея Лосева, Ири-

Жук И КОМПАНИЯ

Когда в конце прошлого века, на Великий Пост, собирались актеры и под «великопостные» капустастые пироги играли сами для себя шуточно-пародийные представления — «капустники», — они не знали, что слово «капуста» в конце XX века запахнет деньгами и будет обозначать «бабки». Впрочем, и «бабки» имели в прошлые времена безобидный оттенок: «играть в бабки» значило совсем не то же, что «играть в деньги» или зарабатывать бабки, игра в бабки тоже была совершенно бескорыстна, как бескорыстны и безденежны были актерские капустастики рубежа веков. Капустники никак не ассоциировались с деньгами, и если бы их основоположники предвидели все изгибы нашего лингвистического вырождения — они явно переименовали бы «капустники» во что-то более возвышенное.

Это я все к тому, что, постоянно слыша теперь слово «капустник», широкий зритель-читатель, может быть, не вполне осознает природу жанрового определения и думает, что «капустник» — это то, чем «делают бабки».

ну Пярсон, Бориса Смолкина, Игоря Окрепилова, Александра Романцова.

В своих капустастиках они, как правило, «перепевают» широко известные мелодии, не просто изменяя слова, но пародируя стили и тем самым придавая песням совершенно другую интонацию. Они делают это так талантливо, что уже и не вспомнишь слова первоисточника.

Теперь народ поет:

Город над вольной Невой — в сущности уже
полуживой,
Баки заправлять прямо из Невы в нашем городе
можете вы...

А слова знаменитого «Поручика Голицына», которых я, например, никогда не знала, теперь являются для меня, как и для многих, произведением В. Жука:

Опять на экране — знакомые лица.
Безумные речи летят над страной.
О, господи-боже, да что же творится
Не с кем-нибудь там, а с тобой и со мной...

Прелестны и робки молчат хлопкоробки,
Устала внимать многолетняя мать...
Не важно, что руки забыли о хлопке,
Зато знают кнопки, куда нажимать...

И как уцелеть в их бессмысленной массе?
Но мы все же шепчем с надеждой в очах:
«Скажите еще, депутат Афанасьев!
Не падайте духом, товарищ Собчак!»...

А где-то в столице, как в годы былые,
Сидят у экранов (и несть им числа)...
Не падает духом товарищ Алиев,
Товарищ Романов не сушит весла!...

«Сатира — это поруганная любовь», — мудро заключил в каком-то из своих рассказов Фазиль Искандер. Каждый раз, радуясь капустастикам Жука, их грустному, ироничному, такому понятному взгляду на бесконечный, окружающий, изматывающий, но такой родной абсурд, я вспоминаю Искандера. Поруганная любовь ко всему делает сегодня нашу жизнь невыносимой без сатиры, сатира освобождает почву для любви.

Вондей сегодня изображать легче и безопаснее, чем своих театральных лидеров. Мне жаль, что в трудную минуту команда Жука покинула бедный театр, свою первую — поруганную — любовь...

Построив одну стенку — «четвертую», — Жук в ближайшее время намерен заняться созданием другой. Вероятно, правильно и диалектично понимая процесс смены поколений, он объявил набор в детскую капустную студию. Она называется «Пристеночек». Правда, хорошо? «Пристеночек», естественно, потому, что при «Четвертой стене», при стенке, будут собраны «беспризорные» актерские дети.

— А ты знаешь, что такое «пристеночек»? — спросила я мальчика, который не достиг еще 12—14 лет, обозначенных в правилах приема, и потому не имел надежды на скорое счастье общения с великим Жуком.

— Конечно, знаю. Это игра на деньги.

Позавидуем детской образованности и станем надеяться на некий «обратный» лингвистический процесс: как чисто и безденежно звучало слово «капустник» в конце прошлого века — так бескорыстно и безобидно зазвучит в конце нынешнего слово «пристеночек», освободившись от уловных ассоциаций и меркантильных аналогий. «Что такое пристеночек?» — будем мы спрашивать наших детей через несколько лет. — «Это студия Вадима Жука», — будут отвечать дети с уверенностью. Эпохи расцветаются благодаря Жуку.

А пока констатируем: они «вышли в классики» и уже сами могут стать предметом капустастика. Можно петь о них на их же мотивы, их же головами и их же словами. Ну, например, эпигонский положив свои чувства, как и они, на душевную-рающую мелодию «Поручика Голицына» спеть:

И снова на сцене знакомые лица.
Пока еще вместе. И с нами пока.
И есть искушение — подзарядиться
Энергией вашей, «команда Жука».

Теперь вам доступны дворцы-стадионы.
Все вам, рукоплещут, все вами полны.
Разрушив сепаратиста святые законы,
Вы вышли к толпе из «четвертой стены».

Дай бог уцелеть на суде всенародном.
Успех всенародный — успех непостоян.
Куплеты Жука, будьте так же свободны,
Как были свободны в проклятый «застой»!

Пусть многое будет (хоть многое было),
Вас время питало, мотало, несло.
Не падайте духом, артист Окрепилов,
И Пярсон Ирина, держите весло!

Шекспиров, Мольеры пылятся на полке,
Но дети растут у «капустных отцов».
Вас сменят когда-нибудь, Лосев и Смолкин.
И выйдет на сцену другой Романцов.

И «чайка» не наша, и «синяя птица»,
Но что-то таит петербургская тишь...
В «кривых зеркалах» обветшавшей столицы
Отчетливо вижу «летучую мышь»...

Марина ДМИТРЕВСКАЯ.
Фото Валерия Петербургского.